

Профессор dr hab. Веслав Цабан
Университет Яна Кохановского в Кельцах
e-mail: caban@ujk.kielce.pl

Вклад офицеров - поляков и лиц польского происхождения в развитие российской науки в девятнадцатом веке. Избранные вопросы

О поляках, оказавшихся в глубине Российской империи в XIX веке в качестве депортированных или добровольных поселенцев, и в то же время внесших значительный вклад в науку, нам уже многое известно. Не раз были организованы на эту тему польско-советские / российские конференции, посвящены специальные издания и, а также ряд монографий. Большинство работ касается ученых, занимавшихся исследованиями в таких областях как геология, география, ботаника и этнография.

Научными исследованиями занимались также поляки и люди польского происхождения, которые были членами офицерского корпуса царской армии. Об их достижения мы знаем очень мало. Самое большое распространение получили результаты исследований Юзефа Ходзька и Бронислава Гомбчевского. Первый стал известен благодаря триангуляции Кавказа и его научные достижения были по достоинству оценены не только в России, но и в Западной Европе. Второй имеет большие достижения в области этнографических, археологических и природных исследований в Центральной Азии. О заслугах других говорить немного.

Через офицерский царский корпус на протяжении XIX века (до 1914 года) прошло около 20 тысяч офицеров польского происхождения, или поляки, в основном с земель, оказавшихся под разделами. Меньшее число в офицерском корпусе царской армии занимали поляки из центральных губерний России и Царства Польского. Трудно, конечно, предположить, что все они в большей или меньшей степени, участвовали каких-то научных исследованиях. Потенциальных кандидатов надо искать среди старших офицеров, полковников и генералов. В этой группе имеется, по крайней мере, 10% поляков или людей польского происхождения, то есть, можно предположить, что научной деятельностью могли заниматься около 2 тыс. старших офицеров. Заявленная мною цифра весьма ориентировочна. Более точные данные могут быть получены, в случае, если мы могли бы сначала собрать список имен полковников и генералов, а затем сделать попытку определить на основе источников различного происхождения, занимался ли и в какой мере тот или иной человек научной работой. Это проект невозможно реализовать в одиночку.

Несколько лет назад российские историки на основе послужных списков определили, что в XIX веке в царской армии научные исследования в области топографии и картографии проводил 971 офицер. В этой группе мною определены 129 человек польского происхождения или собственно поляков, доля которых составила 13,3%. В польских изданиях упоминается до сих пор только 10 человек.

Можно ли эти 13,3% соотнести с другими областями научных исследований, проводимых во время военных походов, такими как военное искусство, медицина и естественнонаучные исследования. Думается, что на данном этапе исследований, эта цифра является весьма ориентировочной, поскольку если говорить о военном искусстве и естественнонаучных исследованиях, это число может уменьшиться, так как в определенный период лицам польского происхождения было затруднено продвижение по службе в рядах артиллерии. С другой стороны, такой показатель может соотноситься с областью медицинских и естественных наук. Предположим, что в области военного искусства, топографии и картографии, медицинских и естественных наук, этот показатель находился в пределах от 10 до 13%. Если в каждой из этих областей проводили научные исследования около 100-120 человек, в итоге можно полагать, что около 400 - 500 офицеров (полковников и генералов) польского происхождения проводили исследования для нужд миллионной армии, которую Россия имела во второй половине XIX в. и в начале XX в. Еще раз хочу подчеркнуть, что эта оценка весьма приблизительна.

Однако это число следует немного увеличить с учетом младшего офицерского состава. Обычно звание офицера, лейтенанта или капитана имели врачи и ветеринары, которые также внесли свой вклад в развитие военно-медицинских и ветеринарных наук. Кроме того, нельзя забывать о разжалованных в солдаты. Только в период между восстаниями за участие в заговорах было направлено в линейные штрафные части в Оренбургскую область, Сибирь и Кавказа ок. 400 молодых людей из Царства Польского. Большинство из них, 50% оказалось на Оренбургской земле. Остальные привлечены к службе в линейных батальонах Кавказа и Сибири. Это число следует увеличить на число молодых людей – заговорщиков.

Определенная группа из числа этих молодых людей стремилась к продвижению по военной службе в офицерских чинах, поскольку это являлось возможностью сократить срок службы в штрафных частях. Офицерские звания давались также военным, несшим службу в Оренбургской пограничной комиссии, которой было поручено провести научные обоснования всех военных экспедиций, направленных на освоение земель Казахстана, Бухары и Хивы. Их вклад в изучение природы, традиций и обычаев народов, проживающих в Центральной Азии, еще недостаточно оценен. Это же можно утверждать и в отношении Кавказа.

В своем докладе я хотел бы только отметить, что вопросу о вкладе офицеров польского происхождения в развитие русского военного искусства, и в целом в укрепление военного потенциала России, картографии и топографии, медицинских и естественных наук, до сих пор уделялось мало внимания, и стоит задача в проведении более широкого исследования в сотрудничестве с российскими историками. Стоит отметить, что и российским историографам в этом отношении предстоит много работы.

Первый вопрос, который следует поставить, это шкала наших знаний о вкладе поляков и лиц польского происхождения в русское военное искусство и технику, поскольку речь идет именно об армии. К сожалению, до сих пор, мною обнаружено небольшое число имен, которые мне удалось установить в ходе чтения воспоминаний польских офицеров и сведений, содержащиеся в послужных списках, и русских энциклопедических изданиях.

В мемуарах, оставленных поляками, очень часто упоминается, что наши соотечественники внесли огромный вклад в развитие военных наук, но в то же время не всегда содержат имена авторов. Один из немногих, был генерал Владислав Вэйтко, отбывавший службу в инженерных войсках. В своих мемуарах, написанных уже в независимой Польше, он заявил, что «русская методика войны обязана своим высоким уровнем большинству поляков, таких как Непокуйчиски, Жылиньски, Свентожецки, Войницки, Иохэр, Орда, Плюцински, Завадски, Буйницки, Величко и многим другим, о «польскости» которых стало известно после воскрешения Польши».

К сожалению, мне не удалось определить достижения Войницкого, Орды, Плюцинского и Завадского. В этой ситуации, я попытаюсь изложить достижения оставшихся, в том порядке, в котором упоминает автор «Рамот и рамотек».

Генерал пехоты Артур Непокуйчицки (1813 - 1881) был сыном предводителя дворянства Слуцкого округа. Он получил образование в созданной в 1832 году Академии Генерального штаба. Накопил опыт в ходе боевых действий на Кавказе и в Венгрии в 1849 г. Во время операций Крымской войны был начальником главного штаба 2-й армии. После ее завершения, он не выполнял функции в линейных подразделениях, а работал в военном кодификационном комитете. Военное министерство решило использовать его опыт во время турецкого конфликта 1877 – 1878 гг., и он был назначен начальником штаба дунайской армии. Его знание тактики и стратегии имело решающее значение для победы в этой кампании.

О ген. Станиславе Зелинском, известном топографе, будет говориться позднее.

Генерал-лейтенант Людомир Свентожецки (1865 -?). В 1890 году он закончил Николаевскую инженерную академию. Через четыре года был принят на работу в качестве преподавателя физики и электротехники в этот вуз, а в 1911 году получил звание профессора. Среди его работ было много публикаций в области электротехники. Он был автором учебника по этому предмету. Он принимал участие в международных конференциях по электротехнике, в том числе в Лондоне в 1908 г. Совершил много зарубежных поездок, служил в различного типа комитетах и комиссиях, ответственных за рассмотрение вопроса о военном использовании электрооборудования в армии на суше и на флоте.

Упоминаемый у В. Вэйтко Иохэр, генерал-лейтенант Адам Иохэр (1833 - 1900), сын профессора истории польской литературы Вильнюсского университета. В 1855 году он закончил Николаевскую инженерную академию, где впоследствии стал профессором, читал лекции в полевых укреплениях. Он был признанным авторитетом в этой области, не только в России, но и в Западной Европе. Он работал во многих комитетах и комиссиях разрабатывающих принципы действия инженерных войск. Нам известно, что он был автором нескольких работ по фортификации, но их названий не удалось определить. Занимаясь модернизацией российской армии, А. Иохэр поддерживал тесные контакты с польскими научными сообществами в Варшаве, Львове и Кракове. Он также принимал активное участие в деятельности католической благотворительной организации в Санкт-Петербурге.

Еще больший вклад в развитие инженерных войск, чем А. Иохэр, внес генерал-лейтенант Нестор Буйницки (1863-1914). Он родился в семье землевладельцев в районе Гродна. Учился в Николаевской инженерной академии, и стал там с 1903 года профессором и заведующим кафедрой фортификации. Он был автором более десятка книг и пособий. Наибольшее признание принесла ему книга, посвященная роли укреплений в оборонной деятельности, которая имела пять переизданий. Кроме того, он писал статьи и научные работы, опубликованные в профессиональных военных журналах и военных энциклопедических изданиях. Являлся одним из основателей русской школы фортификации.

Как и Буйницки, основателем русской школы фортификации является также Константин Величко (1856-1927). После окончания офицерской инженерной школы принял участие в русско-турецкой войне, где проявил свой большой профессионализм. После войны он был направлен на учебу в Николаевскую инженерную академию. После окончания учебы он стал профессором на кафедре фортификации. Во время русско-японской войны в звании генерала был прикомандирован в штаб российских войск на Дальнем Востоке. Он был автором ряда работ по строительству крепостей и ведению оборонительных операций. Он является автором большого проекта строительства пограничных крепостей на всей территории Российской империи. Именно он взял на себя ответственность за выбор места строительства каждой крепости и разработал планы их функционирования.

Кроме упоминаемых В. Вэйтко выдающихся ученых в области инженерных войск следует отметить двух других, о ком удалось собрать некоторую информацию, указывающую на их большой вклад в развитие современной военной техники.

Первый из них, генерал Ян Яцына (1864 - 1930), выпускник Михайловской артиллерийской академии и Военно-морской академии в Кронштадте. После обучения он был направлен на работу в технический комитет при Министерстве военно-морского флота в Санкт-Петербурге. Он стал профессором артиллерии в Военно-морской академии. Кроме того, он был учителем трех сыновей великого князя Владимира, брата Александра III и младшего сына великого князя Михаила, дяди императора Александра III.

Он написал учебник по артиллерии, который в начале двадцатого века четырежды переиздавался. Пятое издание появилось на польском языке во II Речи Посполитой. Мне трудно оценить содержание учебника, но факт пятого издания, которое вышло после окончания Первой мировой войны, свидетельствует о том, что все, что там изложено, было проверено в годы войны 1914-1918 гг.

Начало XX века является новаторским периодом, как в развитии мировой авиации, так и российской. Многие офицеры польского происхождения также внесли свой вклад в развитие российской военной авиации. В знаменитой летной школе в Севастополе работало много инструкторов польского происхождения. Также, в отношении авиаконструкторов, работающих на заводах, производящих самолеты. К сожалению, на эту тему мы имеем достаточно общую информацию. Исследования на эту тему опирались, как правило, на энциклопедические издания и русскую и советскую литературу, посвященную началам российской авиации. Одним словом, проблема вклада людей

польского происхождения в развитие российской военной авиации ждет своих исследователей.

Большое количество информации мы имеем о великом достижении пилота Яна Нагурского, который первым в мире совершил полет в Арктику. Несомненно, что это его великое достижение, как пилота, так и конструктора самолета.

Как я уже отмечал, что касается топографии и картографии, упоминается только 10 человек, внесших значительный вклад в этой области. Например, достижения и Ю. Ходзька были известны на международном уровне. Я не вижу никакой необходимости повторять то, что уже известно об их достижениях.

Здесь следует отметить, что одним из первых исследователей в этой области был Болеслав Ольшевич (1893 - 1972), известный географ и картограф. Выводы, сделанные им, в основном повторяются. Совсем немного дополнений для некоторых российских издательств ввел Зигмунт Лукавский.

Среди 129 офицеров польского происхождения, внесших значительный вклад в развитие российской топографии и картографии, сравнимый с достижениями Ю. Ходзька, и, возможно, даже превосходящий его, следует упомянуть генерала Еронима Стебницкого, генерала Станислава Жилинского, генерала Эдварда Коверского и генерала Станислава Рыльке.

Генерал Е. Стебницкий (1832 - 1897) происходил из помещичьей семьи Волынской губернии. Окончил Академию Генерального штаба в 1856 г. В начале XIX века вел широкую деятельность на Кавказе, в сотрудничестве с Ю. Ходзько. Принял после него пост главного военного топографа в 1867 году. Через год им была разработана карта Кавказа, за которую он был удостоен золотой медали. Несколько лет спустя он нанес на карту участки, находящиеся на территории современного Туркменистана. Он сделал описание приграничных районов между Россией и Турцией. Они стали после русско-турецкой войны 1877-1878 гг. основой для определения границы между противоборствующими сторонами. Его работы опубликованы в основном в «Записках» или «Известиях Кавказского отдела Русского географического общества». Во время своих многочисленных путешествий по Туркменистану он проводил этнографические наблюдения и собирал геологические образцы. Его результаты были опубликованы в «Заметках Туркменистана» (Тифлис 1871 г.). Эта работа имеет большое значение для изучения истории Туркмении.

Е. Стебницкий в 1878 г. стал членом Академии наук в Санкт-Петербурге, а в 1886 году главой топографического военного ведомства Главного штаба, с 1895 г. он занимал пост вице-президента Российского научного общества. В то же время систематически он расширял свои научные интересы. Он изучал в том числе эффект влияния Кавказских гор на отклонение силы тяжести. Результаты его наблюдений были оценены высоко Академией наук в Санкт-Петербурге. Также интересовался проблемой определения всемирного времени. Он был одним из трех членов российской делегации на конгрессе в Вашингтоне в 1884 году, на котором решался этот вопрос.

В общей сложности число научных работ Стебницкого насчитывает около 100 единиц. Его работы в области картографии, геодезии и астрономии вошли в перечень достижений мировой науки.

Стоит добавить, что Е. Стебницки делился своими научными достижениями с польским читателем. Я имею в виду тот факт, что публикация некоторых статей на страницах журнала «Путешественник», популяризировала в Царстве Польском польскую науку, литературу и социальные проблемы.

Генерал Станислав Жылиньски (1838 - 1901) происходил из семьи польских помещиков Тамбовской губернии. Он получил всестороннее образование. Окончил математический факультет Московском государственного университета, затем учился в Михайловской артиллерийской академии и на факультете геодезии Академии Генерального штаба. С 1865 года он работал в Генеральном штабе, и с 1868 по 1900 гг. был начальником топографического отдела Туркестанского военного округа. Под его руководством, разработана 71 карта Туркестана, которые позднее получили награду на международной выставке в Париже. Он принимал участие в конгрессе картографов в Венеции. Под его руководством, были также разработаны карты Саратовской губернии и Казани.

Руководя топографическим отделом Туркестанского военного округа, он подготовил детальные планы действий русских войск в семидесятых годах против Хивы. В конечном счете, это древнее государство было подчинено России. Он был основателем и первым президентом Туркестанского отделения Русского географического общества. Ташкент обязан ему также созданием астрономической обсерватории.

Генерал Эдвард Коверский (1837 - 1916) родился в обедневшей помещицкой семье из Гродненской губернии. После того, как его отец умер, его матери не хватало средств на образование шестерым сыновьям. Она отдала Эдварда в кадетский корпус в Бресте. Позже он учился в Михайловской артиллерийской академии и на геодезическом факультете в Академии Генерального штаба, которую окончил в 1862 году. Он внес большой вклад в разработку карт азиатской части России. Самым ценной из них является карта, созданная в 1894 году. Она содержит подробную информацию о путях сообщения, минеральных богатствах, населении, физические и административные данные. Второе издание ее в 1900 г. опубликовано на французском языке.

Такие же геодезические и картографические работы, какие проводил Э. Коверский в азиатской части России, проведены, благодаря его усилиям, в Крыму, странах Балтии и в Царстве Польском. Он состоял в органах военно-научного комитета Генерального штаба, был профессором в Академии генерального штаба, а также в Горном институте в Санкт-Петербурге. В течение многих лет он преподавал также геодезию в технологическом институте. Он был членом Русского географического общества и главным редактором "Ежегодника", издаваемом географическим обществом.

Генерал Станислав Петр Рыльке (1843 - 1899), сын архитектора и строителя из Ровно. Сначала он учился в Киевском университете, а затем принял решение о карьере военного. После нескольких лет службы на Кавказе, он поступил на геодезический факультет Академии Генерального штаба. Проводил замеры различных частей европейской части России. За свои работы он был отмечен Русским географическим обществом. Об этом

сообщает основной каталог тригонометрических точек России, который до сих пор не утратил своей актуальности.

В 1893 году он был переведен в Варшаву и ему был поручен надзор за картографическими отделами западных территорий Российской империи. В 1898 году он возглавил кафедру геодезии Варшавского политехнического института.

Генерал С. Рьльке был членом Русского географического общества и астрономического общества. Членству в последнем обязан работе, в которой он разработал теорию преломления света при прохождении через атмосферу и о влиянии этого явления на температуру почвы.

Поляки и лица польского происхождения, носившие офицерский мундир, играли важную роль в создании медицинских и ветеринарных услуг в Российской империи в XIX веке. Кроме того, их научные публикации, выступления на конференциях в Российской империи и за ее пределами, внесли свой вклад в развитие этой области. По словам Петра Шарейки, автора 6 томов словаря польских врачей XIX века (Том 1 - 6., Варшава 1991-2001), из 1484 выпускников медицинского факультета Вильнюсского университета и Медико-хирургической академии, более 90% направлены на военную службу, в основном, на Кавказ. Трудно сказать, имеется ли такой же показатель в отношении поляков - выпускников других медицинских учебных заведений Российской империи.

Среди лиц, имеющих значительные достижения, следует упомянуть: Зенона Цивинского, Кароля Искерского, Александра Марцинковского, Яна Минкевича, Яна Антона Рапчевского.

Зенон Цивински (1832 - 1904) родился в Вильнюсской губернии в семье помещиков. Получив медицинское образование в Москве в 1856 году, он решил специализироваться в офтальмологии. В 1857-1858 гг. он оттачивал свои навыки в офтальмологических клиниках Берлина, Парижа и Вены. С середины мая 1859 года он начал руководить небольшой клиникой, в которой лечил глазные болезни. Однако, в 1862 году он перешел на медицинскую службу в Вильнюсском военном округе. В 1871-1872 гг. получил дополнительную квалификацию в медицинской академии в Санкт-Петербурге, и там получил степень доктора медицинских наук, защитив диссертацию, посвященную оперированию глазного века. В течение 30 лет службы он проделал большую работу по борьбе с болезнями глаз, особенно трахомой. Его исследования опубликованы в основном в Военно-медицинском журнале. В этом журнале также опубликованы его инструкции для военных врачей по профилактике глазных заболеваний у солдат.

На заседаниях Вильнюсского медицинского общества, председателем которого он был дважды, он докладывал о самых трудных операциях на глазном веке. Он был первым врачом в Российской империи, который осуществлял такие операции.

Кароль Искерски (1827 - 1894) родился обедневшей дворянской семье на Волыни. Медицинское образование получил в Киеве и там, в 1854 году получил степень доктора медицины. Прославился научными работами в области, связанной с куриной слепотой (гемералопией), болезнью, которой страдали большое количество русских солдат. Он

также имел значительные достижения в борьбе против трахомы. Вышло много его публикаций на тему организации военного здравоохранения в России.

Александр Марчинковски (1829 – 1888), родился в семье обедневших дворян Минской губернии. Медицинское образование поучил в Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге. После ее окончания в 1854 году он был направлен сначала на работу в военный госпиталь, а затем в фронтовые отделы. Военное начальство признало его организаторские и научные способности, работоспособность, и позволило ему продолжить образование в Москве. В 1862 году он получил степень доктора медицины, защитив диссертацию на тему «О разрушении костей». Обязанности врача выполнял в воинских частях, расположенных в различных местах Российской империи, но в основном на Кавказе. Он был членом Кавказского отдела императорского медицинского общества. На заседаниях он представлял доклады по хирургии, которые были впоследствии опубликованы.

Ян Минкевич (1826 - 1897) родился в семье мещанина Витебской губернии. После окончания в 1848 году медицинского вуза в Москве был отправлен на Кавказ. Работая в больнице, подготовил докторскую диссертацию на тему, связанную с лихорадкой. На защите на него обратило внимание военное министерство и отправило его для дальнейшего обучения, на этот раз в области хирургии, в Санкт-Петербург. С этого времени началось его сотрудничество с Николаем Пироговым, известным русским врачом. В целях дальнейшего образования Ян Минкевич побывал в Германии, Франции, Австрии и Италии. С 1856 года он был главным хирургом армии Кавказа. Он является автором более 100 публикаций на русском, польском и немецком языках по хирургии, урологии, ЛОР-болезням и офтальмологии. Он был одним из соучредителей Кавказского отделения Императорского медицинского общества и членом-корреспондентом медицинского общества в Варшаве и Вильнюсе.

После выхода на пенсию он поселился в Тифлисе и занялся медициной народов Кавказа, этнографией и антропологией. До последних дней своей жизни он принимал активное участие в научной и общественной жизни. Достижения Яна Минкевича заслуживают отдельной монографии.

Ян Антони Рапчевский (1855 - 1939) имел дворянское происхождение, родился на Подлясье. Медицинское образование завершил в Петербурге, получил в 1881 году степень доктора медицинских наук. Его диссертация касалась патологических заболеваний желудка. В 1885 г. защитил кандидатскую работу на тему этиологии азиатской холеры. В этом же году он выехал в Испанию, где распространилась холера, чтобы ознакомиться с вакцинацией. Затем он ликвидирует очаги холеры в Подольской губернии и неизвестной инфекционной болезни, которая появилась в Туркмении. С 1890 года он занимался организацией санитарно-гигиенической службы в армии. Участвовал в качестве эксперта в различных комитетах, занимающихся санитарно-бытовыми вопросами армии. В 1910 - 1917 гг. был главным редактором военно-медицинского журнала. С 1890 до 1913 года представлял Россию во всех международных мероприятиях, посвященных военной медицине. Он был автором около 40 научных публикаций. Достижения Я.А. Рапчевского в военно-медицинской области в царской России заслуживают отдельного, более широкого рассмотрения.

Из пяти представленных здесь врачей, четверо, за исключением Цивинского, достигли чина действительного государственного советника или тайного советника, что соответствует званию генерала. Это являлось, несомненно, большим признанием военного министерства их вклада в развитие военной медицины.

В начале XIX века, как в Российской империи, так и Царстве Польском, создавалась ветеринарная служба. Небольшое количество специалистов получало образование в Вильнюсе, Варшаве, Санкт-Петербурге и Москве. В тридцатых - сороковых годах созданы новые учебные заведения в Харькове и Дерпте, а в 1874 году ветеринарный институт в Казани, который, кстати, был организован поляком Петром Сейфманом (1823-1903). Но количество ветеринаров для армии и гражданской службы было далеко недостаточно. В этой ситуации, ветеринары, служащие в различных полках и гарнизонах, оказывали большую поддержку гражданским. Так что иногда трудно определить, какой из ветеринаров работал в то время на гражданской санитарно-ветеринарной службе, а кто на военной.

На основе биографического материала, собранного доктором Конрадом Милляком (1886 - 1969), врача-офицера ветеринарной службы, можно предположить, что около 100 ветврачей поляков и лиц польского происхождения отвечали за организацию ветеринарной службы в различных военных отделениях. Подавляющее большинство из них имели офицерские звания. Но дело в том, что этот Словарь содержит очень краткие биографические данные. За исключением единичных случаев, автор не дает названия научных публикаций ветеринарных врачей. Перед историками стоит очень ответственная задача подготовки библиографии работ врачей-ветеринаров, работавших в русской армии, потому что только тогда появится возможность оценить их вклад в развитие этой области.

Здесь стоит привести некоторые примеры. Довбур Михал (1852 - 1939) родился в Ковенской губернии, ветеринарию изучал сначала в Харькове, а затем в Варшаве. Военным врачом стал в 1878 году и сразу же отправился на русско-турецкий фронт. Планомерно продвигался по военной лестнице. В 1910 году он был ветеринарным инспектором Приамурского военного округа и Варшавского военного округа. Во время Первой мировой войны был руководителем ветеринарной службы Западного фронта. У него были самые высокие русские награды. После возвращения на родину в 1918 году он стал руководителем гражданской ветеринарной службы Министерства внутренних дел. До Первой мировой войны он был консультантом в крупнейших конезаводах в Российской империи. Имел не так много публикаций.

Якуб Левандовски (1807 - 1882) родился в Варшаве, но ветеринарию изучал в Вене. После окончания института он работал в провинции Царства Польского, а в 1841 г. стал ветеринарным врачом варшавского дивизиона жандармерии. Он имел большие достижения в исследовании паразитов у животных, а также психологии животных, особенно лошадей. Он написал много ветеринарных руководств и популярных статей. Он публиковался, в основном, на польском, так как главным местом его работы была Варшава. Российские власти высоко оценили его достижения, и в восьмидесятые годы он стал членом ветеринарного комитета при Министерстве внутренних дел.

Единственным, кто публиковал свои работы на русском языке, был Михал Лавринович (1862 -?). Он учился в ветеринарном институте в Харькове. Там, в течение короткого периода он работал в качестве помощника. После завершения своей академической поездки за границу был ветврачом в Михайловском артиллерийском училище, а затем в годы 1904 - 1913 в Николаевском артиллерийском училище. Был крупным специалистом в области гипологии.

Стоит также вспомнить Адольфа Стшедзиньского (1823 - 1882), уроженца Слонимского района. Он был выпускником Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге. Часто менял место работы. То он работал в гражданских ветеринарных службах, то в военных. Он совершал много научных путешествий на запад Европы. Он помогал в 1874 году Сейфману открывать ветеринарный институт в Казани и был там профессором. Стшедзиньски, в отличие от вышеупомянутых, изучал болезни птиц.

Самыми большими научными достижениями, однако, может похвастаться Юзеф Качиньский (1857-1926). Уроженец Ковенской губернии, изучал ветеринарию в Санкт-Петербурге. Затем он расширил свои знания в области бактериологии в Институте экспериментальной медицины в Санкт-Петербурге. Он внес большой вклад в создание ветеринарных услуг в Ставропольской губернии. Он изучал малярию у животных, способствовал лечению болезней крупного рогатого скота во многих регионах России, что привело к улучшению кыргызской породы крупного рогатого скота. В годы 1905 - 1917 он был членом ветеринарного комитета при Министерстве внутренних дел. Он представлял Российскую ветеринарию на международных конгрессах в Будапеште (1905) и Гааге (1907).

Ветврачи большинство своих работ посвятили болезням лошадей, что вполне понятно, потому что эти животные постоянно использовались в армии. Они, в свою очередь, часто страдали, особенно в сложных климатических условиях на Кавказе и Центральной Азии.

Определенная группа ветеринарных врачей, работающая в Российской империи, также присылала свои работы, особенно научно-популярные, в журналы Варшавы. Тем не менее, масштабы этого явления необходимо оценить. Были публикации и на страницах в «Ветеринарного обозрения», выпускаемого с 1886 года во Львове.

Польские ветеринарные врачи, получив образование либо в Царстве Польском, либо в ветеринарных институтах в России, служили в основном на Кавказе и в Центральной Азии. Условия для разведения лошадей были крайне трудными, а также служба требовала большой отдачи, но зато они быстро продвигались по службе, что способствовало улучшению их материального положения.

Что касается естественнонаучных исследований, проводились они в поездках, имеющих характер военных миссий или военных экспедиций. Вацлав и Тадеуш Слабишиньские, авторы «Словаря польских путешественников» (Варшава, 1992), установили имена 18 поляков, служивших в царском офицерском корпусе, совершавших путешествия в азиатские регионы России, или принимавших участие в зарубежных экспедициях и проводивших различные исследования. Исследования имели различный научный уровень, так как не всегда были подготовлены. Серьезные достижения в этой области достигли уже упомянутые Б. Громбчевски и Леон Барщевский и мы здесь об этом вспоминать не будем.

Но представляется целесообразным использовать разработанные В. и Т. Слабишинскими биографии и провести дальнейшую работу и, если возможно, описать полные результаты исследований оставшихся лиц. На мой взгляд, по крайней мере, несколько офицеров высшего ранга, перечисленные в работе В. и Т. Слабишинских заслуживают таких же разработок, какие мы имеем в случае Б. Громбчевского и Л. Барщевского.

Я уже упоминал, что научные исследования проводила также группа молодых людей, разжалованных в период восстаний в солдаты. Находились они, в основном, на границе Оренбургской области и на Кавказе. Я упоминал также, что эти молодые люди искали возможность получить погоны офицеров, потому что это был единственный способ сократить военную службу.

В тридцатых - пятидесятых годах XIX века губернаторам Оренбургской губернии Владимиру Афанасьевичу Обручеву и Василию Алексеевичу Перовскому потребовалось много усилий, чтобы окончательно подчинить России народы Киргизско-Кайсацкие, Хивы, Бухары и Коканда. С этой целью была активизирована деятельность Комиссии по установлению границы, находящейся в Оренбурге. Ее задача состояла в том, чтобы проработать логистически все военные экспедиции, совершаемые на этих территориях.

Группа поляков, сосланных на военную службу на границы Оренбургской губернии, была направлена в эту пограничную комиссию. Эти задачи выполнялись охотно, потому что служить там было легче, а также имелись виды на быстрое продвижение в чин офицера. Много сведений о поляках, служащих в пограничной комиссии или выполняющих важные функции непосредственно при губернаторах Оренбурга, содержит знаменитый словарь ссыльных, разработанных Викторией Сливовской. Но в большинстве случаев этот словарь является единственным источником для дальнейших исследований на базе архивов и библиотек.

Так было в ситуации нескольких молодых людей, работающих в горнодобывающих предприятиях Старопольского и Домбровского бассейна, расположенных в юго-восточной части Царства Польского. Именно оттуда более десятка служащих, выполняющих, в нашем понимании, функции технического надзора, предприняли попытку участия в Краковских событиях 1846 года, и, как следствие, разжалованы в солдаты штрафного подразделения и направлены в линейные подразделения Оренбургской губернии. Это были: Александр Храбичыньски, Роберт Копровски, Станислав Круликевич, Иполит Плащевски, Северин Пшевлоцки, Иполит Завадский, Рудольф Жуковски и Людвиг Турно. Они принимали участие в научных экспедициях, которые в ходе их службы были подготовлены Приграничной комиссией.

Не будем здесь поднимать вопрос о том, была ли ссылка служащих горно-металлургических предприятий Царства Польского на оренбургские рубежи простым совпадением или, возможно, намеренным действием следственных органов в Варшавской цитадели, имевшим в виду «полезность» группы в работах, проводимых в связи с геологоразведкой в оренбургском крае. Не исключено, что их отправка на принудительную военную службу именно в этот район России была хорошо спланированной акцией.

В группе участников исследовательских экспедиций, проводимых Приграничной комиссией, был также Томаш Вернер, выпускник реальной гимназии в Варшаве. В Оренбургском корпусе он оказался в 1844 году, за участие в организации тайных конспиративных кружков. По словам Валериана Станишевского, также осужденного на принудительную военную службу в этом корпусе. Т. Вернер был «техник по призванию». Кроме того, у него была любовь к ботанике и минералогии.

Основную часть сведений о вкладе поляков в исследования мы имеем благодаря Т. Вернеру и Л. Турно. Оба они были главными помощниками начальников экспедиций.

Первый раз они приняли участие в экспедиции Алексея Бутакова. Известный русский маринист, археолог, этнограф-естествоиспытатель и астроном, в 1848 - 1850 годы руководил большой научной экспедицией, имеющей целью описание Арала. Здесь мы не будем подробно рассказывать о двухлетней экспедиции. Известно, что А. Бутаков в различных отчетах по этой экспедиции, как опубликованных, так и до сих пор хранящихся в архивах Санкт-Петербурга, регулярно подчеркивал большую вовлеченность Т. Вернера во все виды геологических и ботанических исследований. Скорее всего, он сделал геологическое описание берегов Аральского моря и разработал классификацию различных минералов и геологических образцов. По словам Бутакова Вернеру удалось в августе 1848 года открыть залежи каменного угля в районе Аральского моря.

Бутаков и Вернер поддались эйфории. Это было преждевременным, потому что после детального исследования, выяснилось, что открытый уголь не что иное, как вещество, возникшее из камыша. Находки Вернера не подтвердила позднее, летом 1850 года, еще одна группа поляков, в которую входил Людвиг Турно.

В Оренбурге не отказались от дальнейшего поиска каменного угля, который должен был служить в качестве топлива для парового судоходства на реке Сыр-Дарья, Аральском и Каспийском морях. Предпринимались следующие экспедиции, в которых важную роль играли поляки под руководством Т. Вернера и Л. Турно. В апреле 1850 г. еще одна экспедиция отправилась в сторону Аральского моря. Возглавил ее на этот раз Александр Антипов. И эта экспедиция не нашла долгожданного угля. Зато были сделаны дальнейшие измерения Аральского моря и собраны еще образцы минералов, которые отправлены в Санкт-Петербурге с целью детального анализа.

Весной 1851 года из Оренбурга была отправлена следующая экспедиция под руководством Антипова, целью которой также был поиск угля. Направлена она была на полуостров Мангышлак, находящийся в северо-восточной части Каспийского моря. Помощником Антипова был Л. Турно.

Со стороны геологоразведки экспедиция не дала ожидаемых результатов, и здесь уголь был не найден. Зато было сделано много описаний жизни кыргызов. Большую роль в этой области сыграли Бронислав Залесский, сосланный на рубежи Оренбурга за заговор в сороковых годах в Литве. В дополнение к многочисленным описаниям традиций и обычаев кыргызов, он является автором знаменитого альбома *La Vie des steppes Kirghizes* (Париж 1865 г.).

Были организованы еще две экспедиции, летом в 1852 и в 1853 гг. Тогда были исследованы территории, лежащие между Аральским и Каспийским морем. Уголь не был найден. Тем не менее, экспедиция расширила знания о геологическом строении исследуемой территории, а также получила новую информацию о жизни кыргызско-кайсацких народов.

Молодые люди, сосланные на Кавказ, по распоряжению местных военных губернаторов не смогли принять участие в научных экспедициях. Причина была довольно проста. Военные власти на Кавказе опасались, что поляк, принимающий участие в военно-научной экспедиции, будет искать контакты с местными жителями просто для того, чтобы иметь возможность бежать в Турцию. Не исключено также, что такой беглец может организовать восстание народов Кавказа против российского господства. Эти опасения не были беспочвенны. В этой ситуации молодые, образованные люди, не желая продвигаться по службе до офицерского чина в ходе боевых действий, проводили самостоятельные исследования, в результате чего получали офицерские погоны и приближали тем самым возвращение на родину.

Возможно, удачнее всего этот путь прошли Франчишек Паночек (1811 -1899) и Казимеж Лапчински (1823-1892). Ф. Паночек оказался на Кавказе за связь с заговором ксендза Петра Щегенного. Так как по образованию он был фармацевтом на Кавказе, начал интересоваться возможностью использования трав для лечения. Это привело к большим успехам, так как по сей день мы часто используем капли Иноземцева. Паночек также сыграл большую роль в организации медицинской службы в кабардинском полку, в котором он формально прослужил 24 года. В Кельцы он вернулся в 1870 году.

К. Лапчински родом с Вильнюсской земли, переехал в Царство Польское и оказался в кругу заговора ксендза Петра Щегенного. Он был приговорен к военной службе на Кавказе. Сначала работал на строительстве военных укреплений. Когда он получил доверие властей, ему позволено было ездить по Кавказу, где впоследствии он увлекся ботаникой и этнографией. Он был автором краеведческих очерков об Армении, Азербайджане, Грузии и Дагестане. Но его самое большое его достижение в том, что он перевел грузинской поэмы двенадцатого века под названием "Витязь в тигровой шкуре".

Думаю, что представленная своего рода оценка научных достижений нескольких десятков поляков, принадлежащих к царскому офицерскому корпусу, достаточно убедительна, чтобы провести более обширные исследования по этой теме. Эти исследования, однако, должны вестись в тесном сотрудничестве с российскими историками.

В тексте я использовал определения поляк и лица польского происхождения, и это потому, что на данном этапе моего исследования, трудно точно определить, кто из офицеров чувствовал себя поляком, а кто в результате многолетней службы подвергся русификации. Хотя с идентификацией лиц, которые вернулись в Польшу после 1917 года, нет вопросов. Эта проблема требует отдельного исследования.